

УДК 343.301
ББК 67.518.9

М.А. Набиев
Северокавказский государственный налоговый институт

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

В статье дан сравнительно-правовой анализ государственной преступности в контексте эволюции национального уголовного законодательства, раскрыт механизм законодательной регламентации преступлений против государственной власти, выявлены особенности регулирования в уголовном праве террористического акта и посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. Рассмотрены наиболее актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления террористической направленности, проанализированы рекомендации Пленума Верховного Суда, изложенные в Постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», сделаны некоторые предложения по совершенствованию уголовного законодательства и оптимизации правоприменительной практики.

Ключевые слова: государственная преступность; преступления против государственной власти; государственные деятели; общественные деятели; террористический акт; терроризм; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля.

М.А. Nabiev
North Caucasus State Tax Institute

GOVERNMENTAL CRIMINALITY: ACT OF TERROR AND INFRINGEMENT ON LIFE OF A PUBLIC OFFICIAL OR COMMUNITY FIGURE REGULATION'S COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS

The paper gives a comparative and legal analysis of governmental criminality in the context of national law legislation evolution, describes the mechanism of crimes against government legislative regulation, states aspects of regulation of act of terror and infringement on life of a public official or community figure. The author studies current issues of criminal responsibility for crimes of terrorist nature, analyses the Supreme Court recommendations stated in Enactment No. 1 on certain questions of court practice with criminal cases on crimes of terrorist nature dated 9 February 2012. The author makes suggestions on improving criminal legislation and optimizing law-applying practice.

Key words: governmental criminality; crimes against government; public officials; community figures; act of terror; terrorism; infringement on life of public official or community figure.

На современном этапе развития уголовной политики одним из приоритетных направлений является создание эффективного механизма противодействия государственной преступности. В этой связи научный и практический интерес представляет исследование особенно-

стей регламентации преступлений против государственной власти в процессе становления и эволюции российского государства.

Необходимость противодействия государственной преступности и терроризму особенно актуализировалась в первые годы строитель-

ства советского государства, когда был принят ряд уголовных законов, направленных на борьбу с «контрреволюционной деятельностью», в том числе Постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре», в котором указывалось, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью [4, с. 789].

Первый Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1922 г. Это был второй период советского этапа уголовно-правовой квалификации терроризма, когда впервые появляется правовая регламентация террористических посягательств как преступных деяний. В УК РСФСР было дано общее определение контрреволюционного, т.е. государственного преступления. Контрреволюционным преступлением признавалось всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении оказания помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и иных подобных средств. Позднее в это понятие были включены действия, направленные на подрыв или ослабление советской власти. Кроме того, ст. 64 данного кодекса устанавливала ответственность за организацию в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации, а также за укрывательство и пособничество (ст. 68) и недонесение (ст. 89) в связи с подготовкой террористического акта [3, с. 35].

В 1923 г. данное определение было существенно расширено: контрреволюционным стало признаваться «и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние содержит в себе покушение на основные политические и хозяйственные завоевания пролетарской революции» [5]. Законодатель определил цели террористического деяния и социальную принадлежность объекта террористических посягательств, подчеркнув

политическую сущность терроризма. Однако указанная дефиниция носила не столько правовой, сколько политический характер и не содержала четких юридических критериев. Вскоре после образования СССР в 1922 г. был принят новый УК РСФСР 1926 г., в котором закреплялось практически то же самое понимание контрреволюционных преступлений.

В 1927 г. ЦИК СССР издал общесоюзный закон «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)». В качестве отдельных видов указанных преступлений предусматривались измена Родине, шпионаж, террористический акт, диверсия, контрреволюционная пропаганда или агитация, контрреволюционный саботаж, проведение контрреволюционной организационной деятельности, недонесение о контрреволюционном преступлении. Следует отметить, что данное Положение не вносило каких-либо принципиальных изменений в систему контрреволюционных преступлений. Отличительной особенностью советских уголовных кодексов было то, что, перечисляя составы политических преступлений, законодатель руководствовался не столько их общими и специфическими признаками, сколько своими представлениями об опасности того или иного вида посягательств. В связи с убийством С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. был принят закон о внесении изменений в УК РСФСР. Этот закон предписывал расследовать дела о террористических актах в течение десяти дней. Обвиняемые лишались права на защиту, кассационное обжалование приговора, а в случае назначения смертной казни не имели права подавать прошение о помиловании. Приговор к смертной казни подлежал исполнению немедленно. Постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. были внесены дополнения в законодательство о государственных преступлениях.

Существенное изменение законодательства о государственных преступлениях произошло в связи с принятием 25 декабря 1958 г. Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления». После принятия данного закона в УК появились две главы: «Особо опасные государственные преступления» и «Иные государственные преступления». Глава «Иные государственные преступления» включала самые различные преступления в области экономики, деятель-

ности основных видов транспорта и такие, как бандитизм, контрабанда, незаконные валютные операции, незаконный переход границы, нарушение правил безопасности на водном, воздушном и железнодорожном транспорте. Особо опасные государственные преступления включали измену Родине, шпионаж, террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства, диверсию, вредительство, антисоветскую пропаганду или агитацию, пропаганду войны, организационную деятельность, направленную на совершение особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации, особо опасные преступления, совершенные против другого государства трудящихся.

Что связано с составом преступления, рассматриваемым в статье, то описание его признаков содержалось в ст. 66 УК РСФСР. В диспозиции данной статьи под террористическим актом понималось убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью с целью подрыва или ослабления советской власти. Часть 2 ст. 66 УК РСФСР предусматривала уголовную ответственность за причинение тяжкого телесного повреждения, совершенного в тех же целях, государственному или общественному деятелю или представителю власти в связи с его государственной или общественной деятельностью. Террористический акт в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР считался двубъектным преступлением, где основным объектом выступала советская власть как политическая основа СССР, а дополнительным - личность государственного, общественного деятеля или представителя власти. Следует отметить, как и в настоящее время, тогда к характеристике объекта данного состава подходили по-разному.

Итак, потерпевшими при террористическом акте выступали три категории: государственные деятели; общественные деятели; представители власти. Под государственными деятелями понимали работников государственных предприятий, учреждений и организаций, активно проводящих в жизнь политику КПСС и советского правительства. Это могли быть лица, занимающие высокие посты в государстве, и рядовые работники, т.е. террористический акт мог осуществляться и в отношении лиц, занимающих невысокое положение

по службе, но своей активной деятельностью по проведению в жизнь политики КПСС мешающих антисоветским элементам проводить враждебную работу. Так, после окончания Великой Отечественной войны при восстановлении советской власти на освобожденных от оккупации территориях жертвами террора могли быть и рядовые военнослужащие, финансовые инспекторы, учителя, врачи.

Под общественными деятелями следовало понимать членов различных общественных организаций, в том числе членов КПСС и кандидатов в члены партии, активных проводников директив партии и правительства в жизнь. Общественными деятелями в смысле ст. 66 не обязательно должны были быть руководители общественной организации, ими могли быть и рядовой член профсоюза, колхозник, член народной дружины по охране общественного порядка. Представителями власти считались лица, имеющие властные полномочия. Ими являлись не только работники, представляющие тот или иной орган власти в собственном смысле слова, к их числу относились также и работники органов управления (например, оперативный состав МВД, КГБ, судьи, прокуроры, депутаты Советов депутатов трудящихся всех звеньев и т.д.).

В отличие от ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации в ст. 66 УК РСФСР круг потерпевших определялся необоснованно широко, в частности в него входили врачи, учителя, финансовые инспекторы и др., которых ни один закон того времени не относил ни к государственным, ни к общественным деятелям, ни к представителям власти. По исследуемой нами статье представителями власти могли быть судьи, прокуроры, депутаты Советов народных депутатов всех звеньев, следователи, государственные инспекторы, лесничие и др. В силу международной солидарности трудящихся убийство или нанесение тяжкого телесного повреждения государственным или общественным деятелям либо представителям власти другого государства трудящихся, совершенные в связи с государственной или общественной деятельностью этих лиц с целью подрыва или ослабления государственного и общественного строя соответствующего государства социалистического содружества, рассматривались как террористический акт. Расправа с членами семьи и близкими государственных, общественных деятелей или представителей

власти, хоть и осуществленная с антисоветской целью, не рассматривалась как террористический акт.

Объективная сторона террористического акта в соответствии с уголовным законодательством имела два вида: первая выражалась в убийстве государственного или общественного деятеля либо представителя власти, а вторая - в причинении этим лицам тяжких телесных повреждений. Причинение менее тяжких телесных повреждений, а также побоев и истязаний не охватывалось составом террористического акта и должно было квалифицироваться по другим статьям Уголовного кодекса. Разумеется, такое решение было возможно лишь в тех случаях, когда умысел субъекта был направлен на совершение именно указанных действий. Если же умысел был направлен на убийство или причинение тяжких телесных повреждений, но по независящим от виновного причинам не был осуществлен и потерпевшему были причинены только менее тяжкие или легкие телесные повреждения, то такие действия следовало квалифицировать как покушение на террористический акт первого или второго вида в зависимости от направленности умысла виновного [2].

Таким образом, террористический акт считался оконченным преступлением, если виновному удавалось убить потерпевшего или причинить ему тяжкое телесное повреждение. Если виновный намеревался с антисоветской целью лишить жизни потерпевшего, но причинил ему лишь телесное повреждение, то его действия рассматривались как покушение на террористический акт в виде убийства соответствующего лица (ст. 15 и ч. 1 ст. 66). Попытка причинить тяжкое телесное повреждение, если она не удавалась, квалифицировалась как покушение на террористический акт по ст. 15 и ч. 2 ст. 66. Террористический акт считался преступлением, которое совершается с прямым умыслом: виновный осознает, что своими действиями причиняет смерть или тяжкое телесное повреждение представителю власти, государственному или общественному деятелю, и желает наступления этих последствий. Сознанием субъекта в соответствии с УК РСФСР должен был охватиться также тот факт, что потерпевшим выступает государственный или общественный деятель либо представитель власти, а также то обстоятельство, что убийство или причинение тяжких телесных повреждений этим лицам

осуществляется в связи с их государственной или общественной деятельностью. Необходимым признаком субъективной стороны террористического акта являлась специальная цель преступления - подрыв или ослабление советской власти.

Мотивы совершения террористического акта связаны прежде всего с недовольством полезной для советской власти деятельности потерпевшего. Отсутствие такой цели и мотива исключало ответственность за террористический акт. Такие действия, как и в Уголовном кодексе Российской Федерации, квалифицировались как преступления против личности или по иным статьям УК РСФСР. На практике встречались случаи, когда террористический акт совершался исполнителем под влиянием организатора или подстрекателя, скрывающих подлинные цели убийства и маскирующих их под личные, бытовые счеты с потерпевшим. В таких случаях исполнитель нес ответственность за умышленное убийство, а подстрекатель или организатор - за террористический акт как его исполнитель. За фактическую ошибку, когда виновный убивал вместо государственного или общественного деятеля либо представителя власти другого человека, ответственность наступала по совокупности преступлений: за покушение на террористический акт и умышленное убийство.

Субъектами террористического акта являлись гражданин СССР, иностранный гражданин и лица без гражданства, вменяемые и достигшие 16-летнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, виновные в причинении смерти или тяжкого телесного повреждения государственному или общественному деятелю либо представителю власти, должны были нести ответственность не за совершение террористического акта, а за совершение соответствующего преступления против жизни и здоровья личности, даже при наличии у виновного цели подрыва советской власти. Совершение террористического акта по заданию иностранной разведки квалифицировалось как измена Родине в форме оказания помощи иностранному государству и террористический акт по совокупности преступлений. Оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР предполагало содействие внешнему противнику в проведении против СССР подрывной деятельности, составной частью которой является преступная деятельность. Эта деятельность

требовала самостоятельной квалификации, ибо существенно отличалась от иной подрывной деятельности и специально была предусмотрена статьями Особенной части Уголовного кодекса РСФСР (66, 68, 70).

В дальнейшем законодательством Союза ССР в раздел «Государственные преступления» были внесены существенные коррективы: включены новые составы, например применение биологического оружия и разработка, производство, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка биологического оружия, исключены составы, практически не встречавшиеся на практике. Так, были исключены из Уголовного кодекса РСФСР состав вредительства и статья об ответственности за преступления, совершенные против другого государства трудящихся. Большую роль в усвоении общего понятия и признаков особо опасных государственных преступлений играла доктрина уголовного права. Также было дано обоснование, что такие преступления могут совершаться только с прямым умыслом. Привлечение к уголовной ответственности за измену Родине и шпионаж, за действия, совершенные с косвенным умыслом, было признано необоснованным и направленным на расширение политических репрессий. Также было признано, что термин «антисоветский умысел» не имеет законодательной базы и достаточного теоретического обоснования. Указанные изменения в уголовном законодательстве привели к существенному сокращению числа осужденных за особо опасные государственные преступления.

Распад Союза ССР и образование на его территории независимых государств, изменение советской политической и экономической системы потребовали коренного пересмотра всего законодательства, в том числе уголовного. На первом этапе существования независимой Российской Федерации были внесены изменения в действующее уголовное законодательство (отмена отдельных норм, изменение редакции других, включение в УК РСФСР новых норм). Следует отметить, до внесения изменений в УК РСФСР в 1994 г. Уголовный кодекс 1960 г. не содержал нормы, конкретно связанные с терроризмом. В качестве таковых рассматривались террористический акт и террористический акт против представителя иностранного государства, под которыми понимались убийства представителей власти по политическим мотивам или представителей

иностранного государства в целях провокации войны или международных осложнений. Одновременно при совершении преступлений, связанных с террористической деятельностью, могла осуществляться квалификация по совокупности преступлений. Такой подход не позволял в полной мере учитывать специфику преступлений, связанных с террористической деятельностью, однако в отсутствие питательной среды для серьезных террористических угроз существовавшие правовые инструменты в то время представлялись достаточными. В ч. 1 ст. 771, предусматривавшей ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, содержался термин «терроризирующие». Эта норма указывала на специальный субъект преступления и место его совершения, им могло быть лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы.

В конце 1980-х гг. терроризм претерпел серьезные изменения. Террористические методы активно принимаются на вооружение криминальными группировками, отдельными лицами, для которых политический камуфляж является прикрытием преступной деятельности. Это повлекло изменение российского законодательства, которое должно было адекватно отреагировать на произошедшее: были приняты конкретные нормы, регулирующие общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности от террористических угроз. В 1994 г. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 213.3 «Терроризм». Так впервые, пусть недостаточно полно, было описано преступление террористического характера как совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного вреда, а равно наступления иных тяжких последствий. Введение этой нормы стало реакцией государства на негативные последствия социально-политического кризиса общественного развития, когда отдельные лица или группы лиц своими противоправными действиями оказывали влияние на принятие уполномоченными на то лицами организационно-управленческих решений. В ней четко обозначилась цель - нарушение общественной безопасности либо воздействие на принятие решения органами власти. В последую-

щем УК РФ, введенный в действие с 1 января 1997 г., в ст. 205 не только сохранил ответственность за терроризм, но и конкретизировал его признаки. Чтобы избежать алогизма, который существовал в УК РСФСР, содержащем две нормы почти с одинаковыми названиями - «терроризм» и «террористический акт», законодатель в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. ранее действующую статью «Террористический акт» переименовал в «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля».

В 1998 г. был принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», в котором терроризм рассматривается в системе преступлений террористического характера. Названный закон определил терроризм как насилие или угрозу его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение или угрозу уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; а также посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность; и нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующейся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

Предложенный законом подход не охватывал все возможные цели при совершении подобных террористических актов, например склонить к совершению того или иного поступка или воздержаться от его совершения, допуская смешение средств и целей. Такой подход на практике привел не только к возникновению неопределенности в вопросе о подследственности уголовных дел, возбужденных по фактам совершения террористических актов, ответственность за которые

была предусмотрена ст. 205 «Терроризм» УК РФ, но и к размыванию мотивационной части террористических преступлений. Таким образом, закон нуждался в дальнейшей доработке. В связи с этим в 2006 г. на смену Федеральному закону 1998 г. пришел Федеральный закон «О противодействии терроризму», который определил терроризм не как отдельное деяние, а как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Кроме того, в законе террористический акт был определен как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (далее - Закон № 35-ФЗ) перечень преступлений, которые следует относить к террористическим, был не только сохранен, но и существенно расширен. К ним были причислены, в частности, деяния, предусмотренные ст. 205, 205.1, 208, 211, 277-280, 282.1, 282.2, 360. Позднее в соответствии с Законом № 35-ФЗ была изменена законодательная конструкция терроризма. Статья 205 УК РФ «Терроризм» была переименована в «Террористический акт», под которым теперь понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Следовательно, из названия ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» полностью был исключен термин «террористический акт».

Одним из актуальных вопросов на сегодняшний день является вопрос: относится ли преступление, предусмотренное ст. 277

УК РФ, по своей юридической природе к преступлениям террористического характера, поскольку объективные признаки посягательства на жизнь государственного или общественно-го деятеля не совпадают по содержанию с террористической деятельностью, понятие которой дано в ст. 3 Закона № 35-ФЗ. В буквальном смысле содержание террористической деятельности исчерпывается общественно опасными действиями, предусмотренными в качестве объективных признаков преступлений ст. 205, 205¹, 205², 206, 208, 211 УК РФ, которые относятся к преступлениям против общественной безопасности. Несмотря на то обстоятельство, что преступления, предусмотренные ст. 278, 279, 280, 282¹, 282² УК РФ, относятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, а ст. 360 УК РФ - к преступлениям против мира и безопасности человечества, законодатель счел необходимым их связать с террористической деятельностью.

Не стало исключением и преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ. Из ст. 277 УК РФ в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ исключен термин «террористический акт». В остальном диспозиция данной статьи не изменилась, и ст. 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» УК РФ в Федеральном законе «О противодействии терроризму», а также в ст. 205¹ УК РФ, как и ранее, упоминается в ряду преступлений, которые по существу оцениваются как террористические [1, с. 141]. Впрочем, не только оно. В целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств в ст. 220, 221 и 227 УК РФ также предусмотрена ответственность за совершение преступлений террористической направленности.

Действительно, эти преступления, имея разные объективные признаки, связаны с террористической деятельностью. Более того, необходимо отметить, что в основном указанные преступления относятся к категории преступлений террористической направленности не по объективным, а по субъективным признакам. Об этом свидетельствует практика уголовного преследования за террористическую деятельность в России, в том числе на территории Северного Кавказа. При совершении посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля цель преступника со-

стоит не столько в отомщении потерпевшему за указанную деятельность, сколько в воздействии на законодательные и исполнительные органы власти субъекта Российской Федерации путем блокирования их профессиональной деятельности, насаждения состояния страха и опасения за собственную жизнь и жизнь близких людей.

Террористы, совершая подобные посягательства, рассчитывают на распространение страха среди будущих и настоящих государственных и общественных деятелей и достижение поставленных перед собой целей: путем расправы с государственными или общественными деятелями воспрепятствовать их законной деятельности по укреплению общественного порядка и безопасности государства либо принудить к изменению ее характера. Кроме того, и терроризм по субъективным признакам носит двойственный характер. Это вытекает из диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ, в которой цель преступника направлена не только на устрашение населения, но и на воздействие, принуждающее органы государственной власти принять выгодные для террористов решения. В свою очередь, эти решения могут сильно повлиять на политику государства и повлечь за собой непоправимые последствия. Например, захват заложников в г. Кизляре бандой Салмана Радуева, потребовавшей свободного выхода из города, в значительной степени подорвал авторитет государства перед обществом. Таких случаев было немало за последние 20 лет. Последствия подобных актов терроризма могут быть слишком серьезными, чтобы не принимать их угрозу во внимание.

Исследуя некоторые террористические преступления в данной работе, нельзя оставлять без внимания Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Необходимо обратить внимание на то, что вместо термина «преступление террористического характера» Пленум Верховного Суда использует другую терминологию - «преступление террористической направленности». Это неспроста, поскольку слова «характер» и «направленность» полярно противоположные понятия.

Характер, как правило, ассоциируется с объектом посягательства и формой вины, а также с отнесением преступного деяния к ка-

тегории более тяжких или менее тяжких преступлений. В некоторых случаях он определяется совокупностью психических и духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении. Из этого следует, что в понятии «характер» доминируют объективные признаки. В свою очередь, если посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля относить к террористическим преступлениям по объективным признакам, то такой подход может противоречить общим правилам систематизации уголовно-правовых норм, поскольку объекты терроризма и посягательства на жизнь государственного или общественно-го деятеля не совпадают.

Направленность, в отличие от характера, - целеустремленная сосредоточенность на чем-нибудь мыслей и интересов. В данной категории, по сравнению с сопоставлением объектов двух террористических преступлений, отражаются субъективные признаки, которые объединяют их в одну группу. Включение посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля в группу преступлений террористической направленности теоретически и методологически оправданно и не может вызывать серьезной дискуссии и споров, не противоречит действующему законодательству.

В ходе исследования данной проблемы мы пришли к следующим выводам. Для совершенствования правовых норм, предусматривающих ответственность за террористическую деятельность, необходимо провести ретроспективный анализ преступлений террористической направленности с целью установления недостатков в механизме уголовно-правового регулирования борьбы с терроризмом.

Уголовное законодательство советского периода не содержало норм, отражающих терроризм в современном его понимании. Терроризм исчерпывался двумя составами преступлений: террористический акт и тер-

рористический акт против представителей иностранного государства. Одновременно при совершении преступлений, связанных с террористической деятельностью, могла осуществляться квалификация по совокупности преступлений. Историческое развитие отечественного законодательства в части криминализации террористического акта, которое в постсоветском периоде проходило под влиянием международного опыта борьбы с терроризмом, привело к переименованию посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля: оно больше не называлось террористическим актом. Вместе с тем преступление не потеряло своей сущностной связи с террористической деятельностью, что предопределило его включение в систему преступлений террористической направленности на основании ст. 24 Закона № 35-ФЗ и примечания 1 к ст. 2051 УК РФ.

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля относится к преступлениям террористической направленности, как предусмотрено Законом № 35-ФЗ, не в силу объективных признаков состава преступления (объективные признаки посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля не совпадают с объективными признаками терроризма), а по содержанию признаков его субъективной стороны.

Есть все основания для вывода об оценке современного терроризма в России как явления, непосредственно угрожающего не только общественной безопасности, но и безопасности государства. В то же время позиция законодателя относительно конкретизированного перечня террористических деяний весьма противоречива. В связи с этим в Федеральном законе «О противодействии терроризму» необходимо предусмотреть перечень преступлений террористической направленности, чтобы исключить имеющиеся в законодательстве разночтения относительно системы преступлений этого вида.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова А.И. Деятельность прокуратуры по борьбе с терроризмом. Общая часть : учеб. пособие / А.И. Долгова ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. - М., 2012.
2. Дьяков С.В. Ответственность за государственные преступления / С.В. Дьяков, А.А. Игнатьев, М.П. Карпушин. - М., 1988.
3. Изменения и дополнения Кодексов РСФСР, опубликованные во время печатания 3-го издания // Собрания кодексов. - М., 1925.
4. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. - № 65. - Ст. 710.
5. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. - М., 2000.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. Prosecutor General's Office terrorism fighting activity: educational book. General apart. Academy of the Prosecutor General's Office. [*Dejatel'nost' prokuratury po bor'be s terrorizmom: posobie. Obshhaja chast' / Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii*]. Moscow, 2012. 141 p.
2. D'jakov S.V., Ignat'ev A.A., Karpushin M.P. Responsibility for governmental crimes. [*Otvetstvennost' za gosudarstvennye prestuplenija*]. Moscow, 1988.
3. Changes and amendments to Codes of RSFSR, published while 3rd edition printing. Codes collected. [*Izmenenija i dopolnenija Kodeksov RSFSR, opublikovannye vo vremja pechatanija 3-go izdanija. Sobranija kodeksov*]. Moscow, 1925. 35 p.
4. *Sobranie zakonov i rasporjazhenij rabochego i krest'janskogo pravitel'stva - Official Gazette*, no. 65, pp. 710-789.
5. Criminal law. Special part. Edited by I.Ja. Kozachenko, G.P. Novoselov. [*Ugolovnoe pravo. Osobennaja chast' / Otvetstvennyj red. I.Ja. Kozachenko, G.P. Novoselov*]. Moscow, 2000, pp. 561-562.

Сведения об авторе

Набиев Мердали Алиевич - старший преподаватель Северокавказского государственного налогового института, соискатель отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Республика Дагестан, Махачкала; e-mail: vestgot@gmail.ru.

About the author

Nabiev Merdali Alievich - senior lecturer of the North Caucasus State Tax Institute, Problems in prosecutor's supervision and consolidation of legality in federal security, international relations and extremism department candidate, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Research Institute, The Republic of Dagestan, Makhachkala; e-mail: vestgot@gmail.ru.